2. РОДСТВО И СЛУЖБА.

Въ одномъ хорошемъ приволжскомъ селеніи жила семья крестьянъ Ворошилиныхъ. Они были крестьяне зажиточные и порядочные: у отца пятеро сыновей на возрастѣ, все погодки, да еще двѣ, либо три дочери. Но дѣвокъ старикъ Ворошилинъ и въ счетъ не клалъ, говоря, что это товаръ ненадежный; не сегодня–завтра изъ дому вонъ — а вся надежда его была на сыновей. Жили они мирно, спокойно, старикъ ссориться имъ не давалъ; за то Богъ и благословилъ труды ихъ, работу дѣтей и заботу отца; не знали они долгое время ни горя ни печали, покуда наконецъ не исполнилось и младшимъ сыновьямъ по 18–ти годовъ и они также вошли въ счетъ работниковъ по очередному рекрутскому списку; тогда семья Ворошилиныхъ вошла въ счетъ пятерниковъ и какъ только сказанъ былъ наборъ, такъ она стала на первой очереди.

Солдатства не миновать. Молодые ребята стали призадумываться, а бабы принялись за свое ремесло, за слезы, за вытье.

Глядя на это, старикъ созвалъ въ воскресенье послѣ обѣдни всѣхъ сыновей, а бабъ и дѣвокъ выслалъ вонъ, чтобъ можно было говорить дѣло.

— Вотъ, дѣти, сказалъ онъ — Государь требуетъ съ насъ солдата. Дѣлать нечего, намъ обиды нѣтъ въ этомъ ни отъ кого; поколѣ очередь дойдетъ до тройниковъ, а мы впереди; не обижать же изъ за насъ другихъ. Не тужите–жъ; тугою моря не переплывешь, плачемъ горя не избудешь. Да и не–о чемъ: свѣтъ не клиномъ передъ вами сошелся, и не только свѣту, что въ окнѣ: на улицу выйдешь — больше увидишь. Доброму человѣку вездѣ житье будетъ, что тутъ, что тамъ. Добрый человѣкъ вездѣ нуженъ, онъ не пропадетъ. Тутъ мы работали на себя, да на царскій оброкъ — не на боку же лежали, — а тамъ послужите на Государя, за то поить–кормить и одѣвать станетъ. Коли солдатъ мой живъ будетъ — такъ дастъ Богъ заслужитъ милость

царскую и начальничью; вы же всѣ ребята добрые; а коли косточки его тамъ закопаютъ — и на это власть Господня: Онъ же и смилуется надъ нимъ. А кто пойдетъ изъ васъ — ужъ тому меня старика не видать больше; надо проститься. За то ужъ чужой вѣкъ заѣдаю, пора и честь знать. Живите-жъ вы дружно, мирно, чтобъ ни попреку, ни поклепу у васъ не было: тишь да крышь, ладь да гладь — такъ и Божья благодать; а какъ пошло врозь — такъ хоть брось. Смотрите-жъ, чтобъ помощь была у васъ отъ брата брату; чтобъ другъ за друга вы Богу молились; хоть врозь, хоть вмѣстѣ жить Господь приведетъ, все другъ за друга молитесь. Уважайте начальство, какое у кого будетъ, и повинуйтесь ему; уважайте старшаго по мнѣ и слушайтесь его, чтите братъ брата. Ну, кто-же изъ васъ идетъ, говорите?

Младшій сынъ, Степанъ, за словомъ повалился въ ноги отцу и просилъ благословенія. Онъ прежде и не думалъ идти охотой за братьевъ, такъ какъ ему только-что минуло 19 годовъ и по

рекрутскимъ правиламъ нельзя было ставить его въ очередь, а только и можно было принять его какъ охотника, за свое семейство; да видно отецъ больно разжалобилъ его и была въ немъ путная душа. Два старшихъ брата у меня женатые, сказалъ онъ, третій уже засваталъ невѣсту, а четвертый, Григорій, слабъ, на службу не годится. Благослови, батюшка, я пойду.

Богъ тебя благословитъ и Государь помилуетъ — сказалъ старикъ — и черезъ мѣсяцъ Степана ужъ на селѣ не было. Братья проводили его, накланявшись ему изъ благодарности въ ноги, и обѣщавъ свято помнить и поминать его и помогать, чѣмъ Богъ надоумитъ.

Прошло времени годовъ двадцать слишкомъ; старикъ Ворошилинъ давно слегъ въ землю; старшіе сыновья его ужъ и посѣдѣли маленько, наплодивъ ребятъ полонъ дворъ. Благословилъ Богъ и ихъ достаткомъ: нужды не знаютъ, хозяекъ побрали хорошихъ, живутъ безъ горя — а о Степанѣ и слуху нѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ проходящій отставной одного съ нимъ

полка, сказывалъ, что живъ онъ и здоровъ и начальство его любитъ. Вѣсть эта пришла еще за жизни отца, и старикъ ей порадовался; а съ той поры о Степанѣ ничего не было слышно, никакихъ вѣстей не доходило. Братья поминали его какъ покойника.

Около Покрова, когда старшій Ворошилинъ уже собирался отдавать замужъ дочь и созвалъ на–вечеръ въ избу свою гостей и жениха со сватами и сватьями, постучался кто–то въ ворота; а какъ тутъ не до того было и не скоро пошли отпирать, то нежданный гость стукнулъ тихонько раза–два посохомъ въ окно. Дѣвочка хозяйская побѣжала, отперла калитку и, прибѣжавъ опять, сказала матери, что–де служивый пришелъ, просится на ночлегъ.

— Зови сюда на радость, сказалъ Ворошилинъ, и прикрикнулъ еще на хозяйку свою, для чего она запираетъ ворота, когда въ домѣ праздникъ. Зови, милости просимъ, коли Богъ посылаетъ гостя на праздникъ мой, такъ не отказывать

ему стать. У меня же и братъ Степанъ былъ когда–то служивымъ, еще и охотой за насъ пошелъ — помяни его Господи во Царствіи Своемъ: чай померъ давно. И перекрестился.

Входитъ и служивый: изъ себя еще молодецъ, болѣе сорока годовъ не будетъ, — и видный такой, хоть куда. Помолился, поздоровался, поблагодарилъ что пустили, свалилъ съ плечъ котомку, да и сталъ середи избы и глядитъ: который кто изъ нихъ, кого узнаю? — Смотрѣлъ долго, такъ что ужъ и другіе стали на него засматриваться, да и спросилъ:

— А что, братья мои любезные, помните ли вы завѣтъ отцовскій: Поминали–ль вы меня въ молитвахъ вашихъ? А я за васъ молился, по всякъ–день.

Тутъ крикъ такой пошелъ на всю избу, что никто слова чужаго не разберетъ и самъ своего не дослышитъ. Всѣ узнали Степана: кто обнимаетъ его, кто въ ноги ему, кто спереди тянется къ нему, кто съ тылу, кто съ боку, — словомъ, приняли Степана какъ выходца съ того свѣта, разспрашивали обо

всемъ до самой полуночи, а тамъ запили невѣсту и пошли по домамъ.

Не прошло мѣсяца, какъ Степанъ говоритъ старшему брату, Андрею:

— Андрей Онисимовичъ, найди–ка ты мнѣ невѣсту, хоть вдову какую пожалуй, да чтобъ не была чѣмъ ославлена и была–бъ хозяйка. Деньжонокъ маленько я принесъ со службы — отцы–командиры сберегли, спасибо имъ, въ артельной казнѣ и выдѣлили меня — а коли въ чемъ нужда будетъ, на первыхъ порахъ, такъ авось и вы не откажетесь пособить; а самъ я, благодаря Бога, не старъ и здоровъ, на боку лежать также не стану; обзаведусь хозяйствомъ, да стану, коли Богъ благословитъ, жить своимъ хозяйствомъ, полно нахлѣбничать; — ты у насъ теперь замѣсто отца: благослови, да и дѣло въ шапкѣ.

Такъ и сталось. Срубилъ Степанъ избу, обзавелся хозяйствомъ, женился и жилъ себѣ не хуже братьевъ. Парень былъ онъ умный, этимъ Богъ не обидѣлъ; душа въ немъ прямая и добрая, правдолюбивая;

распорядокъ умѣетъ дать вездѣ, потому что наглядѣлся уже на всякую всячину, перебывалъ во всѣхъ концахъ матушки Россіи и вездѣ все видѣлъ и замѣчалъ: что, къ чему и гдѣ дѣлается. Прошло нѣсколько времени, народъ видитъ, что Степанъ Онисимычъ худаго изъ службы не вынесъ, всякій совѣтъ, всякое слово его къ добру, а не къ худу; согнали міръ на сходку, выбирать должностныхъ — міръ подумалъ, почесалъ затылокъ, стали голоса подыматься за Степана Ворошилина, его и выбрали въ головы и начальство утвердило.

— Давай, станемъ опять служить — сказалъ Степанъ; нечего дѣлать, противъ міру не пойдешь. Да я же, правду сказать, дѣтей еще на свое мѣсто не поставилъ — не до того было — такъ тянуть еще лямку самому — во что Богъ ни поставитъ.

Выбравъ Степана Ворошилина въ головы, міръ не ошибся. Что добраго можно было сдѣлать въ быту крестьянскомъ, все это по совѣсти и новой присягѣ своей Степанъ исполнилъ. На плутовъ, на пьяницъ, а пуще всего на

воришекъ и конокрадовъ, да на передатчиковъ, которые разоряютъ бѣднаго мужика въ одну ночь, укравъ послѣднюю клячу изъ подъ сохи — на этихъ людей Степанъ наложилъ руку и не было имъ отъ него пощады: коли знаетъ достовѣрно, что такой–то воръ, да концы хоронить умѣетъ, что въ судѣ его не уличишь, то бывало Степанъ донесетъ начальству, соберетъ сходку, да мірскимъ приговоромъ и спровадитъ его въ Ермаково царство. Гдѣ кабакъ на деревнѣ стоитъ, да мужичишки сопьются, то голова налетомъ раза по два въ недѣлю побываетъ у нихъ, и ужъ знаетъ, кто что по хозяйству сдѣлалъ, чего не сдѣлалъ, за своимъ недосугомъ, и ужъ не дастъ покою, покуда не заставитъ жить по людски: одного за недоимки въ работу, другаго подъ надзоръ хорошаго старика, третьяго добрымъ и бойкимъ словомъ доймет; а въ страхѣ держалъ всѣхъ, и народъ, не видя отъ него никакой обиды, а одну только правду, говорилъ: гдѣ грозно, тамъ и честно. Голова нашъ завелъ у крестьянъ огороды, проложилъ, гдѣ было

нужно, проѣзжія дороги, засыпалъ опасные овраги, настлалъ гати, покрылъ крыши, размыканныя вѣтромъ по беззаботности хозяевъ — словомъ, дѣлалъ одно путное и доброе и всѣ его благодарили и почитали.

Въ той самой деревнѣ, гдѣ жилъ четвертый братъ Степана, Григорій, отъ дождевой промоины сдѣлался овражекъ, а изъ овражка вышелъ черезъ годъ со днемъ оврагъ, да ужъ такой, что стало подмывать избы. Вотъ мужики мои бывало по веснѣ сойдутся, поглядятъ на оврагъ, почешутъ затылки, потолкуютъ, что-де надо бы перегатить и завалить — да и разойдутся. Что надо, то надо; въ томъ никто не спорилъ, а взяться за дѣло неохота никому. Мужикъ-то уменъ, да міръ дуракъ; умовъ вмѣстѣ не сведутъ, и разойдутся.

Пріѣхалъ нашъ голова въ эту деревню, увидалъ овражекъ, побранилъ мужиковъ и распорядился: — Вы, братцы мои, сказалъ онъ, видно молоды еще, хоть и состарѣлись; нешто не видите, что на-весну оврагъ полъ-избы оторветъ, а тамъ и подъ другую подойдетъ? Тогда что будете

дѣлать? У васъ тутъ семьдесятъ шесть избъ; по пяти возовъ на дымъ — всего триста пятьдесятъ, а шесть избъ вырубите да привезите по три воза хворосту подъ гать — и дѣло въ шапкѣ. Тогда вода пойдетъ у васъ вонъ туда, нижнимъ овражкомъ, и село будетъ цѣло. Смотритежъ, чтобъ до заморозковъ было сдѣлано.

— Слушаемъ, батюшка Степанъ Онисимовичъ, отвѣчали крестьяне, соглашаясь на все и ни въ чемъ не прекословя — но когда пришлось дѣлать дѣло, то пошли у нихъ такіе толки, крики и пересуды, что было бы много земли навезено въ овражекъ, ка–бы ее возить горломъ. Первому никому не охота приняться за дѣло: Иванъ на Кузьму, Кузьма на Ивана — а какъ братъ Степана, Григорій, не разсудилъ послушаться головы, или ждалъ отъ него, какъ отъ младшаго брата, потачки, то и прочіе на него глядя махнули рукой.

Голова проѣздомъ опять навѣдался въ деревню эту, не забылъ и про оврагъ, взглянулъ на него и крѣпко поморщился.

Онъ собралъ стариковъ, спросилъ ихъ: было ли вамъ отъ меня такое–то приказаніе? — Было. — Ну, продолжалъ онъ, и въ тѣ поры никто ни слова не сказалъ, всѣ согласились; за чѣмъ же вы меня обманули, зачѣмъ въ тѣ поры не говорили, коли не хотѣли дѣлать, что приказано?

— Да мы, батюшка Степанъ Онисимовичъ, отъ твоей воли не прочь, — отвѣчали мужики, только что обидно будетъ намъ эдакъ–то; подъ чью избу оврагъ подошелъ, тотъ бы гатилъ....

Голова прикрикнулъ на нихъ, вызвалъ впередъ говоруновъ и потребовалъ ихъ на расправу. Тогда одинъ изъ самыхъ бойкихъ и говоритъ ему: Да что же ты, Онисимычъ, на насъ однихъ взъѣлся? Что же ты брата своего не спросишь, для чего онъ не гатилъ? Что? Нешто мы и за него отвѣтчики?

— А гдѣ же братъ Григорій Онисимовичъ? — спросилъ голова, оглядываясь. Позовите его туда, гдѣ люди дѣло дѣлаютъ.

— Да нейдетъ онъ, говорятъ. — Отчего же не идетъ? спросилъ Степанъ, — не идти ему нельзя, когда голова его спрашиваетъ: подите, приведите его.

— А что, братъ, спросилъ его Степанъ, когда его привели; ты для чего не идешь, когда голова за тобою посылаетъ? Это не хорошъ примѣръ для добрыхъ людей — а для недобрыхъ и подавно. Я тебя не домой къ себѣ звалъ, я бы и самъ потрудился къ тебѣ придти, кабы это за своимъ домашнимъ дѣломъ; я звалъ тебя въ старшинскую избу, за дѣломъ. Что же, братъ, ты свои пять возовъ привезъ на оврагъ?

— Нѣтъ, не привезъ, отвѣчалъ Григорій: да мнѣ когда было возить — да что я буду возить — да зачѣмъ я буду возить? Нешто я одинъ тутъ — нешто безъ меня мало народу? Что я тебѣ за работникъ? Ты мнѣ не указчикъ. Я старшій братъ твой, тебѣ меня слушаться, а не мнѣ тебя!

Степанъ, покачавъ головой, сказалъ: Ну, братъ любезный, не взыщи — а видно надо тебя поучить, чтобы ты зналъ, какъ съ

головою говорить и какъ его слушаться. Степанъ обратился къ старикамъ и потребовалъ отъ нихъ приговора, заслуживаетъ ли Григорій Ворошилинъ наказаніе, за ослушаніе, дурной примѣръ, которому послѣдовали другіе, и наконецъ за грубость? и когда всѣ въ голосъ сказали, что Григорія поучить надо, то Степанъ приказалъ тотчасъ же наказать брата розгами — хоть и не больно, а для стыда и страха другимъ; кончивъ это дѣло, Степанъ поклонился въ ноги старшему брату своему — который впрочемъ былъ старѣе его однимъ только годомъ — и сказалъ:

— Прости, братъ Григорій Онисимовичъ, не взыщи, что я тебя побезпокоилъ. Ты самъ знаешь, я люблю всѣхъ васъ, и люблю равно: я, не въ укоръ сказано, за васъ и въ солдаты пошелъ; да ты стало быть одну только половину отцовскаго завѣщанія помнишь, а другую, видно позабылъ; прими–жъ, братъ науку, не сердись: Я чту въ тебѣ старшаго брата, какъ отецъ велѣлъ — чти же и ты во мнѣ начальство,

какъ онъ же, Царство ему небесное, наказывалъ.

Братъ Григорій, посердившись, взялся за умъ. Онъ помирился съ братомъ Степаномъ, самъ просилъ у него прощенія и исполнялъ, что голова приказывалъ; а глядя на него и міръ не смѣлъ ослушаться, а говорилъ: Нашъ Степанъ Онисимычъ сердитъ на правду; и роднаго брата не пожалѣлъ; у него дружба дружбой — а служба службой!